

— В феврале (23-го - 24-го) 1977 года Мизун проводил в Мурманске Всесоюзное совещание "Полярная ионосфера и магнитосферно-ионосферные связи". Оно отличалось от сборищ, на которых мне доводилось бывать раньше, тем, что заседания проходили прямо в гостинице - "69-я параллель", где Мизун поселил всех участников, благо при гостинице имелся кинозал с обширным фойе. Там же и питались, так что из гостиницы можно было и вовсе не выходить. Многие так и поступали, ограничиваясь вылазками в ближайший магазин за спиртными напитками. Другие пользовались тем, что погода была прекрасная и можно было здесь же, в гостинице взять лыжи напрокат и покататься по склонам сопки, на которой располагалась "69-я параллель".

— На совещании я встретился с массой старых ленинградских знакомых и друзей, так или иначе связанных с нашей кафедрой, кто в настоящем, кто в прошлом: Б.Е., Ляцкие, Мальцев, Лариска Зеленкова, Распопов, Копытенко, Киселёв, Пудовкин, Зайцева, Шумилов, но общался в свободное время я только со Славиком, Юрой и Лариской, да с пэгэёвцами Власковым и Мингалёвыми. Из наших, калининградцев, кроме меня были Клименко и то ли Кореньков, то ли Саенко, а может быть, оба.

Я и Лариса Зеленкова в фойе "69-й параллели", Мурманск, февраль 1977 г.

Володя Власков рассказывает про "язык" ионизации, Мурманск, февраль 1977 г.

— Ходили в гости к Власкову, тогда ещё не женатому, там были его ребята, а потом появились Мизун и Брюнелли с женой (у них старшая дочка вышла замуж (за Женю Терещенко) и жила здесь, в Мурманске, поэтому из Апатит они приехали сюда оба - Б.Е. и Людмила Михайловна). Б.Е. очень расхваливал наши работы, утверждая, что мы далеко вырвались вперёд, а Власков горячо и ревниво спорил, защищая свою группу и оправдываясь сложностью полярной ионосферы и отсутствием в Мурманске вычислительной техники.

— Вообще же по части гостеприимства и организации проведения самого совещания мурманчане во главе с Мизуном и Власковым подтвердили свою репутацию умельцев этого дела.

— Юра Мальцев, как выяснилось, развёлся с женой, но продолжал жить с ней и дочерью в одной квартире, так как уйти было некуда. Я расспрашивая его, как это такое возможно, а он спокойно так отвечал:

— А что же делать-то? Она (бывшая жена то есть) и подкармливает иногда и стирает что-нибудь, бывает. Мы с ней в хороших отношениях. Раньше ругались, а теперь спокойно разговариваем. Я дочь воспитываю, она ко мне больше тянется, чем к матери. Английским с ней занимаюсь и на гимнастику вожу.

Я себе такое сожителство представить не мог.

И Славик меня удивил, когда мы с ним отделились от общей компании, стал жаловаться на то, что он устал от семейной жизни, нет даже угла, куда бы можно было спрятаться, побыть наедине с собой, подумать спокойно. Внешне же они с Аллочкой по-прежнему выглядели дружной парой единомышленников, особенно в спорах и дискуссиях на политические и философские темы. Но споры такие велись уже не так жарко и страстно как прежде.

Правда, со своими, калининградцами, я такие споры ещё затевал и заводился. Происходило это обычно в командировках, чаще всего в поездках в ИЗМИРАН, куда мы теперь ездили стандартной компанией: Иванов, Саенко, Лаговский и я, иногда ещё Кореньков. Закончив дневные дела, которые в основном состояли в суетливой беготне с бумажками по трём этажам главного корпуса ИЗМИРАНа (первый этаж - канцелярия - отметить командировки; издательский отдел - сдать в печать препринт или отдать (забрать) статью на экспертную комиссию; 2-й этаж - бухгалтерия - получить командировочные; финансово-плановый отдел - забросить акты по договору с КГУ; 1-й отдел - расписаться, что ознакомлен; конференц-зал - отзаседать или выступить на семинаре или секции; 3-й этаж - дирекция - зайти к Лобачевскому, отчитаться, получить ЦУ или выволочку за несвоевременное выполнение распоряжений дирекции (опять планы

во время не представили!); к Коломийцеву, Учёному секретарю - от него тоже всегда что-то надо..., а ещё надо в зевакинский корпус сбегать, там с Юдович поболтать, обсудить дела и т.д., и т.п., - мы собирались вечером в гостинице, скидывались по три рубля и отправляли кого-нибудь двоих покупать спиртное и закусь.

— В качестве гостиницы ИЗМИРАНом тогда использовались две двухкомнатные квартиры в "хрущобах" - пятиэтажках хрущёвского периода, где селили тесно, и выпивать было не очень-то удобно. Но это нас не останавливало. Помню, как-то нас - Иванова, Лаговского и меня поселили не в гостинице даже - не было мест, а в общежитии, в пустой комнате без мебели. Мы таскали откуда-то железные кровати и матрасы, нам выдали постельное бельё, но не нашлось никакой посуды кроме кастрюли, и попросить не у кого было. Поэтому пили так: Иванов - отбил стеклянную колбу у лампочки и пил из неё, Лаговский наливал себе в кастрюлю, а я пил из горла бутылки. Причём Лаговский считался непьющим, он и действительно пил меньше других и быстрее всех пьянел. Быстро пьянел и Саенко, мы же с Ивановым были в состоянии выпить по бутылке водки (но потом обязательно ещё по несколько стаканов крепкого чая) и вести при этом более или менее вразумительные разговоры по душам, заканчивавшиеся под утро.

— В этих разговорах обсуждение текущих проблем обсерваторского бытия и измирановских сплетен непременно сворачивало к общеполитическим вопросам, и, поскольку собеседники мои были коммунистами (Иванов и Лаговский давно уже, а Саенко только вступил), я приставал к ним и требовал опровержения тезиса Юры Мальцева, утверждавшего, что "нельзя быть одновременно умным, честным и коммунистом". Лаговский с этим утверждением соглашался, честно признаваясь, что коммунистом стал "по нужде", считая, что иначе, мол, в люди не выйдешь. Он и в других вопросах принимал почти всегда мою сторону. Иванов же и Саенко считали себя коммунистами по убеждению, т.е. во всяком случае честными, тезис Мальцева считали дурацким, так, ради красного словца фразочка, нечего её и опровергать.

— Я же доказывал, что ничего подобного: тезис этот верен, если его понимать буквально. Если ты коммунист, то либо ты признаёшь за истину всё, что утверждается в партийных документах, и тогда я тебя умным считать никак не могу, либо не признаёшь, но тогда ты нечестен! Тем самым я требовал, чтобы мои оппоненты признали себя либо неумными, либо нечестными. Но они не обижались на меня за это, благодушно посмеиваясь над моей горячностью. Зато меня эта их невозмутимость возбуждала, вводила в азарт - до срывов, до крика, до ругани порой, чему, конечно, содействовало выпитое.

— Против моих логических построений, касающихся изъянов марксизма как теории, а тем более против критики существующих у нас порядков они не возражали. Весь бардак вокруг они прекрасно видели и признавали, что это бардак. Однако не соглашались, что он изначально присущ строю - государству диктатуры партийного аппарата, и свой долг видели в том, чтобы с этим бардаком бороться... в рядах КПСС. Я же утверждал, что их членство в рядах КПСС этот бардак только усугубляет, поскольку обязывает их действовать в рамках партийной дисциплины, а тем самым укрепляет систему, которая этот бардак порождает.

— Непреодолимой преградой для меня в их сознании было нежелание задумываться слишком глубоко. Где-то у них срабатывали блоки защиты, оберегавшие их устойчивые представления; их организмы защищали себя от возможного стресса, связанного с ломкой этих представлений, а я безжалостно давил на их психику, добиваясь неизвестно чего... Меня, похоже, больше всего увлекал сам азарт борьбы, преодоления их сопротивления, чем поиски истины, которая якобы рождается в споре, - в истине то я не сомневался.

— Саенко же быстро пьянел, и споры с ним теряли всякий смысл, он начинал горячиться больше меня, и связность его речи пропадала напрочь. Иванов мог пить сколько угодно и разговаривать до утра, и соглашаться со мной во многом и очень многом, почти во всём, но только - почти...

— На другие темы спорили реже. Гострема уже не вспоминали. Заговорили о нём опять лишь тогда, когда узнали, что с ним случилось несчастье - его сбила легковая автомашина вблизи трамвайной остановки у главного корпуса университета. Он куда-то мчался, потом резко переменял направление, то есть заметался по мостовой - подробностей не знаю. Зацепило его не очень, но он сильно ударился головой о мостовую. Сознание, правда, не потерял, сам встал и порывался бежать дальше. Неделю лежал в реанимации, потом очухался и выздоровел вполне.

— Спортом - футболом, хоккеем - интересовался только Клименко, да немного Кореньков. К литературе проявляли интерес Лаговский и Кореньков, но как-то вяло. Пытался я, как в былые годы, читать вслух то, что мне особенно нравилось, - Шукшина, например, или "Сказку о тройке" Стругацких, - слушали, нравилось, но заразить настоящим интересом никого не удавалось. И постепенно я сникал, возбуждался всё реже.

— Позже, правда, был ещё один всплеск моей пропагандистской активности, связанный с Димулиными письмами и с моей встречей с ним в Духовной Академии. Разговоры велись о Боге, о религии, о смысле жизни, но и они иссякли, не вызвав горячего отклика, если не считать голого любопытства к самому необычному факту моего знакомства, дружбы даже с живым монахом.

([продолжение следует](#))

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)